

придали ему определенную направленность и известную организованность.

Крестьянское движение к июлю 1917 года превратилось в крупнейший фактор политической жизни страны. Оно явилось ярким проявлением процесса включения в революционное движение главного, основного союзника рабочего класса. Социалистические устремления пролетариата на данном этапе революции совпали с демократическими задачами крестьянской борьбы.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА С ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.В. Борисова

Конституционно-договорной процесс в российском обществе в конце 80-х – первой половине 90-х годов выступил механизмом институционализации новых взаимоотношений между "центром" и "периферией", государством и этническими группами. В современном российском обществе определилась следующая стратификация этнических групп по политико-правовому основанию:

1) "титulyные" группы (то есть этносы-доминанты в этно-территориальных субъектах федерации: например, чувашаи в Республике Чувашия);

2) русскоязычное население территориальных субъектов федерации;

3) русскоязычное население, проживающее компактно в этно-территориальных субъектах федерации (например, русские поселки в Республике Чувашия);

4) "нетитulyные" группы, нерусскоязычные (проживают компактно в иноэтничном субъекте федерации), имеющие свою государственность в пределах России, так называемая диаспора (например, татарские села на территории Чувашии или Ульяновской области);

5) "нетитulyные" группы, нерусскоязычные (проживают компактно в иноэтничном субъекте федерации), не имеющие собственных форм государственности в пределах России (на-

пример, так называемые коренные народы Севера).

Первые две выделенные категории этнических групп выступили самыми активными акторами в политической жизни России и равноправными субъектами во взаимодействии с государством на уровне федерального "центра", относительно которого "самоопределялись" Республики. В Конституциях Республик дается шесть толкований сущности самоопределения и обозначаются разные его субъекты: этнические, этно-территориальные, территориальные общности. Но в ряде Конституций говорится о самоопределении "титulyных групп". Так, в Конституциях Башкортостана и Бурятии зафиксировано, что они образованы в результате реализации права башкирской (бурятской) нации (в смысле этнической общности – О.Б.) на самоопределение. В Конституции Республики Коми, с одной стороны, источником суверенитета выступает "ее многонациональный народ" (ст.2), а с другой, источником государственности называется "коми народ" (ст.3). В Конституции Республики Адыгея в качестве субъекта самоопределения называется адыгский народ и исторически сложившаяся общность людей, проживающая на ее территории (6, с.2).

Таким образом, в этно-территориальных субъектах федерации различаются источник суверенитета и источник власти (государствообразующая общность), с одной стороны, и источник самоопределения и источник государственности (разные типы общностей), с другой.

"Титulyные" этносы укрепили свое языковое пространство, приняв соответствующие законы, в которых за их языками закреплён статус государственного наряду с русским (за исключением Чечни и Тывы, где установилось одноязычие "титulyной" общности). В четырех Республиках (Башкирии, Карелии, Мордовии и Марий Эл) установилось троязычие. Процесс разработки и принятия языкового законодательства на региональном уровне стимулировался как снизу, этнополитическими организациями, так и сверху, федеральными и местными властями. Реальная языковая политика заключается в определении сфер функционирования языков "титulyной" и "нетитulyных" этнических групп (1).

Как мы видим, "титulyные" этнические группы закрепили свой статус этноса-доминанта в рамках этно-территориальных субъектов федерации и выступили в качестве государствообразующих групп Российской Федерации. Система их взаимоотношений с федеральным "центром" осуществляется через взаимодействие органов власти двух уровней, а также через их представительство в Совете Федерации. Одним из ключевых вопросов взаимодействия на этом уровне является проблема распределения ресурсов и бюджетное финансирование. Федеральный "центр" в этой связи выступает механизмом перераспределения бюджетных средств в пользу "бедных" субъектов.

Рост политического самосознания "титulyных" этнических групп и стремление к этнизации территории обусловлены следующими факторами: наличием богатых ресурсов (которые можно эксплуатировать без больших капитальных затрат или с помощью внешнего инвестора); высоким уровнем диаспоризации, исторической памятью, конфессиональными традициями, численным доминированием и наличием институтов традиционной субъектности. В этой связи активными политическими субъектами по отношению к федеральному "центру" выступили Чеченская и Ингушская Республики, которые сохранили общинно-родовые структуры и тейповую стратификацию (7, с.107-108).

Российское государство стимулировало политическую субъектность этнических групп, поддерживая движение за суверенитет, проводимое бывшими автономными республиками, и предприняло ряд мер по снятию негативных последствий наиболее жестких силовых форм воздействия, практикуемых в отношении кавказских этнических групп в период Великой Отечественной войны. 26 апреля 1991 года был принят Закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов", который задал длительный процесс восстановления этно-территориального ландшафта, породил новые проблемы в сфере межэтнических взаимодействий и обозначил новые горячие точки на политической карте Российской Федерации. В связи с восстановлением прав лиц, подвергнувшихся депортации, возникла масса проблем: возвращение отобранного имущества, земли и т.д. Это

привело к столкновению с интересами тех людей, которые поселились на месте депортированных групп. Указами Президента РФ о реабилитации народов и государственной поддержке из развития и возрождения (1994) были признаны ошибки со стороны государства и необходимость восстановления исторической справедливости, устранения последствий незаконных депортаций и допущенных нарушений прав народов. В предусмотренной программе мероприятий можно выделить два уровня прав: групповой и индивидуальный. К групповому праву можно условно отнести возрождение духовного и культурного наследия, народных (этнических – О.Б.) промыслов и традиционных форм хозяйствования, возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям. Субъектом индивидуального права являются конкретные люди, чьи гражданские права были нарушены в ходе депортации, и которым должны быть выделены земельные участки и предоставлена финансовая помощь.

Русскоязычное население в Республиках сегодня выступает недоминантной группой, что обусловлено снижением его реального статуса. "Титульные" этнические группы в Республиках отождествляются с республиканским "центром", который выступает доминирующим субъектом в интеракции с русской этнической группой. Единственный уровень коммуникации между ними установлен в языковом пространстве. Мы уже говорили о том, что почти во всех Республиках установлено многоязычие, кроме Тывы и Чечни; то есть русский язык, согласно законодательству о языках республиканского уровня, получил или статус государственного (наряду с языком "титульной" группы или еще одним этнический языком) или официального. В плане политической субъектности русских групп на Северном Кавказе необходимо отметить, что в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии русский этнос включен в систему государственного управления Республиками (что закреплено на конституционно-правовом уровне) (7, с.112). Президент Кабардино-Балкарии своим указом сформировал одну из палат республиканского парламента на национально-паритетных началах. Поскольку русские являются здесь второй по численности этнической

группой (5, с.144), то в рамках указанной палаты они могут институционализироваться как политический субъект. В Республике Адыгея установлено формальное равноправие представительства адыгского и русского населения в высших законодательных и исполнительных органах власти. Реально же статус русской этнической группы снижается. Северная Осетия и Дагестан суперполиэтничны; здесь наблюдается аналогичная ситуация в отношении русскоязычного населения.

Согласно исследованию М.Н. Губогло, только в двух Республиках поставлен вопрос о сохранении этнической субъектности русского населения. Так, в Конституции Калмыкии говорится о заботе, взятой на себя Республикой, "по сохранению самобытности" русского народа, а Конституция Республики Саха (Якутия) гарантирует сохранение и возрождение "русских и других старожилов" республики. Остальные же этно-территориальные субъекты федерации, впрочем как и сам федеральный "центр", не сочли необходимым определить свое отношение к русскому этносу – создателю великого государства Российского (2, с.195).

"Нетитульные" этнические группы можно рассматривать в качестве этнических меньшинств (в статусном смысле). Часть из них имеет свою государственность в пределах России (такие группы принято называть диаспорой). Другие группы не имеют своих форм государственности на территории Российской Федерации. Согласно исследованию М.Н. Губогло, только в двух Республиках введено понятие прав национальных меньшинств. Конституция Башкортостана гарантирует "признание и уважение прав и свобод человека, включает права национальных меньшинств". Согласно Конституции Карелии, к совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и Республики Карелия отнесена защита прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств. В текст присяги Председателя Правительства Республики Карелия включены следующие обязательства: "уважать и охранять права и свободы человека и гражданина" вместе с "правами народов, проживающих в Карелии" (2, с.190). Однако в нашей правовой практике вопрос о содержании этнических прав (прав этно-

национальных меньшинств) остается открытым. На наш взгляд, они могут быть нацелены на сохранение оснований самоидентификации (языкового пространства), среды обитания (геобиоценоза), традиционных хозяйственных занятий, культуры и ее памятников. В этой связи необходимо отметить, что "практически во всех республиках за языками компактно проживающих групп национальных меньшинств законодательно признан статус местных национальных языков (например, в Саха-Якутии таким статусом обладает эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки)" (1, с.21).

В качестве "нетитульных" этнических групп и национальных меньшинств выступают так называемые "коренные малочисленные народы Севера", которые проживают на территории 27 субъектов Российской Федерации. Они выделены федеральным центром в отдельный объект политики и управления. Согласно утверждению В.П.Курамина, "ускоренное индустриальное развитие Севера способствовало быстрому истощению невозпроизводимых и подрыву базы воспроизводимых ресурсов, социальному, географическому и экономическому перемещению малочисленных народов, разрушению их традиционного образа жизни, традиционных отраслей экономики" (4, с.11-12). В этой связи в 1992 году была принята "Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера" (1991-1995 гг.), в ходе реализации которой была оказана материальная и финансовая помощь в становлении более чем 2000 общин, семейно-родовых ферм, созданы цеха по переработке мяса, рыбы, выделки меховых шкур и шитью меховых изделий. В 1996 году был принят Федеральный Закон "Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации". Статья 7 этого закона предусматривает поддержание традиционного образа жизни этих групп (под которым понимается способ существования, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, социальной организации, проживания, на самобытной культуре и обычаях, религиозных верованиях). Развитие экономики и культуры коренных малочисленных народов провозглашается, согласно статье 11 данного Закона, объектом

государственного регулирования.

В связи со строительством гражданского общества в Российской Федерации федеральным "центром" была поставлена задача высвобождения личности от диктата групповых ментальностей, снижение политической субъектности этнических групп. Это предполагает развитие гражданского правосознания и повышение статуса гражданина в общественном сознании. Инструментом гражданской консолидации индивидов для реализации своих потребностей выступило этническое право, основанное на персональном, "индивидуальном" принципе. Именно этот принцип был положен в основу Закона РФ "О национально-культурной автономии" (июнь 1996 года), субъектами права, в котором выступают не "народы" или "этнические общности", а "граждане". В преамбуле закона говорится о том, что он создает "правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан Российской Федерации в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития". Национально-культурная автономия в этой связи выступает формой общественного объединения граждан для самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Они имеют право на поддержку со стороны органов государственной власти и местного самоуправления; право обращаться в органы государственной власти, участвовать в международных неправительственных организациях и сохранять традиции, обычаи и систему учебных заведений. Это новый поворот в государственной политике, который задал вектор самоорганизации этнических групп в социально-культурном пространстве.

Анализируя проблему взаимодействия государства с этническими группами в российском конституционном процессе в конце 80 – первой половине 90-х гг., автор пришел к следующим выводам. Во-первых, между двумя выделенными субъектами политической жизни сложились такие формы интеракции, как правовая, налогово-бюджетная и информационная, которые можно рассматривать в качестве каналов коммуникации. Во-вторых, взаимодействие выделенных акторов осуществляется в

двухуровневой системе властеотношений (федеральный и региональный "центры"), объектом которой являются такие подсистемы этнических общностей, как хозяйственно-экономическая, ландшафтно-экологическая, языковая, культурная. В-третьих, степень интенсивности политической интеракции между государством и этническими группами обусловлена, с одной стороны, цивилизационным типом развития этноса, уровнем его политического сознания и этнокультурной консолидации, идентификацией с более крупными цивилизационными общностями (например, с исламским миром), а с другой стороны, – методами государственного регулирования этнополитических процессов, экономическими интересами властных структур в том или ином регионе.

Литература:

1. Аклаев А.Р. Законодательство о языках и межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации. // Конфликтная этничность и этнические конфликты, М., 1994, с.15-43.
2. Губогло М.Н. Национальное право в конституциях республик России. (1993-1995 гг.). // Этнополитический вестник, 1995, № 6, с.188-198.
3. Конституция Российской Федерации. М., 1995.
4. Курамин В.П. Российский Север: проблемы и решения. // Федерация и народы России. Информационный бюллетень, № 3. М.. 1995, с.5-13.
5. Печенев В. Комментарии к Указу... // Этнополитический вестник, М., 1995, № 3.
6. Советская Адыгея, 17 марта 1995.
7. Хоперская Л., Денисова Г. Современная национальная политика на Северном Кавказе. // Этнополитический вестник, 1995. № 6. с.58-68.
8. Этнополитический вестник России, 1993, № 1.